

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертационную работу Мишурина Александра Николаевича «Знание и власть в политической философии Лео Штрауса» (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, 2014; 139 с.), представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности: 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Вопрос об отношении (более узко – об институциональном взаимодействии) знания и власти отнюдь не нов, но в тоже время актуален и сегодня как для политической теории, так и для институциональной практики. Проблемный характер данного отношения диктуется, в частности, сложившимся к настоящему времени преимущественно инструментальным (а значит и неполноценным) характером либерального политического дискурса: как верно замечает автор, в рамках такого дискурса «*знание* начинает терять свое стратегическое значение, а, следовательно, и свое место в институтах власти». В этом плане значимым оказывается выбор предмета диссертации – философского наследия Лео Штрауса как альтернативного либеральному, консервативного способа решения проблемы отношения знания и власти.

В отличие от известных и хорошо изученных в отечественной науке постановки вопроса об отношении знания и власти и способа к его решения у М. Фуко, подход Л. Штрауса к решению данной проблемы, как и его политическая философия в целом, остаются в тени¹. Сам автор считает наследие Л.Штрауса потенциально «продуктивным», однако доказать его «продуктивность», как и его актуальность для использования в современной российской обстановке возможно только после адекватного раскрытия, что, сообразно вышесказанному, и представляет собой основную задачу диссертации.

Автор, на мой взгляд, в целом вполне успешно справляется с данной задачей. В диссертации представлен тщательный и весьма подробный анализ политико-философского подхода Штрауса к решению данной проблемы. В рамках штраусовского так называемого «поворота вспять» автор делает возможным раскрытие наследия мыслителя через анализ данных им трех стратегий отношения знания и власти в три различные исторические эпохи (от современности через средние века к античности), благодаря чему рельефно отображаются логика обоснования мыслителем и мотивы его возвращения к философской классике. Довольно неожиданным, на первый взгляд, и, тем не менее, вполне оправданным является решение отказаться от независимых работ Штрауса, сосредото-

¹ Действительно, в рамках более чем скромной отечественной штраусианы, представленной статьями Б.В.Межуева и А.М.Руткевича, лишь работа последнего («Политическая философия Л.Штрауса»), носит обобщенно-систематический характер. Правда, влияние Штрауса весьма ощутимо в концепции политической философии, предлагаемой Т.А.Алексеевой.

чившись только на его комментаторских трудах (ведь автор следует совету самого Штрауса), а также выбор метода (который также продиктован Штраусом): то есть решение в целом последовать за предметом своего исследования. С одной стороны, такой шаг лишает работу критического взгляда и возможности сравнения политико-философского учения Штрауса с иными философскими доктринами, а ее (диссертационной работы) создателя – авторской позиции по поводу содержания штраусовских комментариев. (Да и в самом деле, все ли они могут быть безоговорочно приняты; у меня, по крайней мере, – при высокой степени доверия к аутентичности воспроизведения диссертантом логики прочтения Штраусом тех или иных текстов – при прочтении работы невольно возникали отдельные возражения по этому поводу.) С другой стороны, как уже было сказано, без адекватного раскрытия смысла этого учения в целом невозможно никакое альтернативное сравнение точек зрения по интересующему автора диссертации вопросу, и так как данная работа, по утверждению автора, является первой попыткой систематического исследования учения Штрауса, такой выбор диссертанта кажется не только оправданным, но также и поневоле необходимым, – хотя и не идеальным, неполным (прежде всего в смысле отсутствия возможности анализа наследия мыслителя не только «изнутри», но и «извне»).

С поставленной целью прояснения отношения знания и власти в политической философии Л. Штрауса автор справляется, на мой взгляд, вполне успешно, представив самостоятельное, логически завершенное исследование, чьи основные выводы и положения свидетельствуют о высоком профессионализме и должной квалификации автора, способного решать сложные теоретические задачи по интерпретации весьма сложных (в том числе из-за подвижности категориального аппарата) текстов работ Штрауса.

Новизна исследования не вызывает сомнений. Она состоит не только в анализе и раскрытии ранее не изученного и мало известного в отечественной политической науке автора, но и в выводах, в том числе в утверждении о легитимирующей функции знания и возможности возвращения «объемности» в политику. Теоретическое значение результатов предпринятого исследования выражено в расширении подходов к изучению проблемы отношения знания и власти. С прикладной точки зрения значение положений и выводов диссертации заключено в возможности выработки новой стратегии отношения института знания к институту власти, подходящей для быстро меняющейся в России обстановки.

Решение поставленных автором задач можно считать успешным в том числе, благодаря действительно большому пласту привлеченных источников, а также и потому, что несмотря на столь громоздкий в количественном и столь сложный в качественном отношении материал, автору удалось сохранить преемственность и единообразное применение выбранного им метода. Логика изложения диссертации, четко отраженная в оглавлении,

позволяет не только понять идейно-теоретический стержень материала, но и зафиксировать связь между различными эпохами как частями одного целого, «Западной цивилизации». Формируя порядок презентации определяемых Штраусом образов трех эпох – от Современности к античности через Средневековье, а не наоборот, автор указывает на их возрастающую ценность для политического исследования. От знания, претендующего на роль ведущего власть, к знанию в момент его зарождения как ведомого, подчиненного власти. Убедительным кажется вывод автора о месте института знания в институте власти. Вполне приемлемо и то, как автор раскрывает роль философа с точки зрения политического учения Штрауса: анализ столь масштабного материала просто не оставляет возможности сомневаться в легитимирующем власть характере философского знания.

Тем не менее, несмотря на безусловно положительную общую оценку работы и признание высокой степени авторского владения материалом, следует отметить ряд ее недостатков.

Во-первых, это, разумеется, «проблема» одного автора. Как уже было сказано, выбор только философии Штрауса в качестве предметного поля оправдан, однако это «только» все равно остается изъяном, ибо, как уже отмечалось, лишает автора доступа к более широкому кругу источников, которые позволили бы лучше аргументировать и, может быть, при необходимости критически осмыслить его доводы. Так, например, в первой главе, посвященной освещению современной стратегии отношения знания и власти, отсутствуют специальный анализ философии Лейбница и Гоббса, зато присутствует Спиноза; вторая глава, посвященная средневековью, полностью лишена ссылок на христианских мыслителей. И хотя это вызвано тем соображением, что сам Штраус не комментировал работы Лейбница или Августина, и потому с формальной точки зрения автор диссертации, действительно, мог не вводить их в свое исследование, однако такая позиция исключает все же самую возможность самоопределения диссертанта по отношению к содержанию штраусовских комментариев, - в том числе и по принципиально важному для него вопросу: *где, когда и почему* следует читать Штрауса «между строк», а когда нет.

Во-вторых, и это главное затруднение при чтении диссертации, относительно возможности и необходимости «внимательного чтения» Штрауса (в том числе – и «между строк») вообще нет достаточной определенности. Дело в том, что, с одной стороны, отношение к «общим особенностям» текстов Штрауса разделение их смысла на экзо- и эзотерику (С. 14), по-видимому, заставляет нас подходить к интерпретации этих текстов в рамках универсального применения и к ним самим метода «внимательного чтения» (как отмечает диссертант, «если насчет того, применяли ли иные философы разделение на экзо- и эзотику ...», еще сомневаться можно, то насчет самого Штрауса таких сомнений быть не

может» - С. 19). С другой, автор констатирует, что «этого метода явно недостаточно для реконструкции штраусианской философии»; и поэтому «хотя мы будем его использовать (когда, где, по каким специализированным показаниям? – все это не оговаривается. – А. Ч.) ... , нам понадобится [и] иной, более подходящий метод» (там же). Диссертант ниже (С. 24) отсылает к ницшевской «генеалогии» и к «воле к власти», разумея под последней, по видимому, творческое преодоление «ничто», или заполнение того, что находится между строк (см. С. 18, 23, – но опять-таки без указаний того, *когда, где* и *почему*). Более того, чуть ниже диссертант констатирует, что с точки зрения последней установки «метод ”внимательного чтения“ – это не более чем удобное прикрытие ... Деление на экзо- и эзотерику является фиктивным ... Различны их аудитории, а значит, посылы, но не ценность этих посылов ... Мы оставим это предположение без доказательств, так как для достижения нашей цели для нас важно лишь обращение Штрауса к меньшинству» (С. 24 – 25). Но тогда, может быть, автору следовало бы начать свой обзор интерпретационно-аналитических средств философии Штрауса именно с этого тезиса, отсекая развернутое рассмотрение обоснования деления на экзо- и эзотерику или *явно* придав ему (рассмотрению) «дополнительный» характер? Кроме того, как мне кажется, автор, фактически используя в данном случае одну из «отсекающих» заповедей интерпретации текстов самого Штрауса: «Чтение между строк строго запрещено во всех случаях, когда применение этого метода будет более правильным, чем его неприменение» (Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. Т. 3., 2012, № 3. С. 19), - тем не менее пренебрегает достаточно простой рекомендацией Штрауса по критериям применимости метода. Последний пишет: «Если существует взаимозависимость между преследованием и чтением между строк, то один из критериев таков: рассматриваемая книга должна быть создана в эпоху преследования, то есть в то время, когда политические или иные принципы навязывались с помощью закона или обычая. Еще один критерий заключается в следующем: если талантливый автор имеет светлый ум, хорошо знает устоявшиеся в государстве правила и противоречит им только тайно, при этом внешне придерживаясь каких-то других предпосылок и выводов, подозрение, будто он выступает в оппозиции к системе, будет закономерным – и мы должны взяться за изучение его книги с самого начала, с гораздо большим вниманием ..., чем когда-либо ранее. Иными словами, в ряде случаев мы считаем недвусмысленные «внешние» свидетельства доказательством того, что автор выразил свои взгляды по наиболее важным вопросам именно между строк. ...», - добавляя, правда, историко-релятивизирующую неопределенность, – «Некоторые из них даже невозможно заметить, не говоря уже о том, чтобы понять, поскольку мы ограничены рамка-

ми представлений о преследовании и привычным отношением к свободе высказываний, которые главенствуют последние триста лет» (Штраус Л. Цит. соч. С. 19 – 20).

В-третьих, тезис автора о «продуктивности» штраусианского подхода к пониманию отношения знания и власти так и остается тезисом. Хотя ясно, что для его раскрытия и доказательства пришлось бы написать еще одну диссертацию.

И все же указанные изъяны не изменяют общей положительной оценки работы, представляющей из себя самостоятельное исследование, результаты которого обладают положительным научным значением.

Автореферат отражает основное содержание работы.

Таким образом, диссертация Мишурина А.Н. на соискание ученой степени кандидата политических наук в целом соответствует требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам данного уровня. Уяснение позиции политической философии Лео Штрауса применительно к отношению знания и власти имеет существенное значение для современной политической теории и практики, что отражено в новизне и выводах работы и соответствует требованиям п. 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки.

Официальный оппонент,
кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры политической теории
факультета политологии МГИМО-Университета

А.А.Чанышев

